

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII–XX ВЕКОВ**

ЦИТАТА, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ,
МОТИВ, СЮЖЕТ, ЖАНР

*Сборник научных трудов
Выпуск 3*

ПЕТРОЗАВОДСК
2001

Ф. З. КАНУНОВА

Томский государственный университет

КАНТАТА К.-В. РАМЛЕРА “СМЕРТЬ ИИСУСА” В ПЕРЕВОДЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

В 1895 г. в берлинском издании вышел собственноручный перевод Жуковского Евангелия на русский язык¹ (по всей видимости, с церковнославянского). Этому переводу предшествовало многолетнее, поистине пожизненное, изучение Священного Писания. Следы вдохновенного проникновения в библейские тексты остались в творчестве и “Дневнике” Жуковского, на страницах принадлежащих ему экземпляров Библии, испещренных множеством помет, значков, свидетельствующих об удивительной активности читателя. Располагаем мы также многочисленными подготовительными материалами, хранящимися в архиве поэта и отчасти опубликованными.

Можно без преувеличения сказать, что Библия и Евангелие, в частности, определили путь нравственно-эстетического развития Жуковского-поэта. И это при всем энциклопедизме, удивительной широте его познаний в области философии, истории, педагогики, эстетики и т. д. Система антропологических воззрений поэта складывалась в процессе глубокого исследования им западноевропейского Просвещения, особенно французского и немецкого. Проблемы религии и Бога, происхождения мира и человека, утверждение идеи нравственной свободы, свободы выбора как следствия глубокого общения с Богом – все эти вопросы волнуют Жуковского в процессе чтения им трудов Руссо, Юма, Гердера, Бонне и многих других философов. И всегда на первом плане у Жуковского – концепция личности, нравственно-философский статус человека: “Человек есть сотворение. Он имеет ум, следовательно, творец его должен быть существо верховно премудрое, ибо оно не

© Канунова Ф. З., 2001

¹ Новый завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского. Берлин, 1895.

только произвело ум человеческий, но само по себе непостижимо, недостижимо для ума сего”, – записывает Жуковский на полях “Созерцания природы” Шарля Бонне².

Большой просветительский заряд гносеологических, эстетических, антропологических воззрений Жуковского не исключал его глубокого интереса к Богу, а, напротив, во многом определялся им. Это очевидно следует из сути его отношения к Руссо, особенно в процессе изучения “Эмиля”, где ставится вопрос о роли религии в воспитании человека. В рецепции Жуковским философии Юма огромную роль играет его последовательная полемика с английским философом по вопросам религии³.

В духовной эволюции Жуковского было два этапа отношения к религии: первый – 10–20-е гг. – период нравственно-философского и эстетического отношения к религии (вершина этого периода – трактат о “Мадонне Рафаэля” и “Невыразимое”, “Лалла Рук”, “Таинственный посетитель” и др.); второй период – 30–40-е гг. – время постижения нравственно-философских основ веры, которое во многом перестроило его эстетику и поэтику. Дневники, переписка, архив, его эстетические трактаты 40-х гг. отразили этот путь эволюции Жуковского, затронувшей основы таких краеугольных проблем поэтики, как проблема характерологии (природы психологизма), пространственно-временной организации художественных текстов, структуры взаимодействия лирического и эпического.

Как показывают дневники, письма, творчество Жуковского, он придает первостепенное значение центральной, по его убеждению, идее Евангелия – идее вочеловечивания Абсолюта в образе Иисуса Христа. Вместе с Христом, считает Жуковский, пришло к людям новое восприятие жизни и человека, в основе которого утверждение пути нравственного и духовного жизнестроительства как важнейшей цели жизни на земле. “До Иисуса Христа, – говорит Жуковский в своем дневнике 1828 г., – человек возвышался мыслию к Богу и в мире, незнакомом и чуждом, искал законов для обитаемого им нравственного мира. В Спасителе Божество явилось земле, и отвлеченные суеверные понятия обратились в ясное смиренное убеждение сердца”⁴. Это очень

² Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 340.

³ См.: Там же. Ч. 3. Томск, 1988. С. 17–58.

⁴ Жуковский В. А. Из дневников 1827–1840 годов // Наше наследие. 1994. № 32. С. 38.

значительное признание поэта в пик его зрелого творчества. Именно Христос Своей жизнью, проповедью, смертью определил нравственный статус земного человека, начертал путь его жизнестроения. Эта мысль является основной в переводе Жуковского кантаты К. Рамлера "Смерть Иисуса" (1818).

К.-В. Рамлер (1725–1798) – немецкий поэт, примыкавший к галлскому союзу поэтов анакреонтического направления. О заинтересованности Жуковского творчеством Рамлера свидетельствует наличие в его библиотеке произведений этого автора со следами внимательного чтения⁵. К их числу относится двухтомник Рамлера "Poëtische Werke", куда входит и бывшая популярной в свое время кантата "Смерть Иисуса". Обращение к этому произведению в конце 1818 г. объясняется, прежде всего, глубоким интересом русского поэта к евангельской теме и, конечно, к сюжету жизни и смерти Христа.

"Священное Писание – моя исповедь"⁶, – признается Жуковский в 1810 г. и останется верным этому на протяжении всей жизни. Важный момент определенного взлета интереса Жуковского к Священному Писанию – конец 1817 г. – 1820-е гг., т. е. период его общения с великой княгиней Александрой Федоровной, преподавания ей русского языка. Именно в это время он записывает в дневнике о своем стремлении "сделать для себя извлечения из всего важнейшего в Священном Писании", "пройти все это в отношении к нашей жизни"⁷ (запись от 28 октября 1821 г.). По очень достоверному предположению П. Бартенева, перевод рамлеровской кантаты был предназначен для сборника произведений Жуковского "Für Wenige" – "Для немногих". В конце января или начале февраля 1818 г., по выходе № 1 сборника, Жуковский писал А. И. Тургеневу: "Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего песенного журнала. Моя ученица все это скоро будет петь по-русски. Второй номер почти отпечатан"⁸. Возможно, что и кантата Рамлера, переведенная Жуковским, предназначалась для "пения его ученицей по-русски".

В своей "Смерти Иисуса" Рамлер использует традиции духовной кантаты, родившейся в Германии. Здесь то же

⁵ См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 3. С. 376–382.

⁶ Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903. С. 45–46.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 186.

сочетание библейских текстов, хоральных строф, речитативов и арий. Кантата Рамлера буквально соткана из евангельских реминисценций. В переводе Жуковского – стремление высветить главные мотивы кантаты немецкого поэта: мотив жертвенной смерти Христа, “обремененного грехами преступными земли”, трагедия предательства, мотив прощения и покаяния. Однако главный пафос Рамлера, основная нота его произведения – страдание, одиночество, покинутость Христа. Жуковский же в своем переводе делает акцент на спасительной, жертвенной смерти Иисуса во имя “величия жизни”. Он отталкивается от мелодраматизма немецкого поэта, уходит от всяческого нагнетания внешних примет страдания Христа, углубляет представление о высоких мотивах Его гибели.

Переведя достаточно точно первый хор кантаты (“Ты, ливший от печали потоки горьких слез”), Жуковский решительно опускает следующий за этим текст, где уточняются внешние детали страдания Христа, стремясь уйти от “описательного психологизма”, он исключает 9–12-й стихи подлинника:

Sein Odem ist schwach; –
Seine Tage sind abgekürzt;
Seine Seele ist voll Jammer;
Sein Leben ist nahe bei der Hölle⁹

(“Его дыхание слабо; – / Его дни сокращены; / Его душа полна горя; / Его жизнь ближе к аду”). Снимает Жуковский стихи:

Herr, höre die Stimme unseres Flehens
Wann wir zu dir schreien
Wann wir unsere Hände erheben
Zu deinem heiligen Chor (160)

(“Господи, услышь голос нашей мольбы, / Когда мы к Тебе зываем, / Когда мы поднимаем руки / К Твоему святому хору и клиросу”). Эти стихи тоже показались Жуковскому излишними после ст. 79–82 – молитвы “мужества и страдания”. Почти во всех арийных партиях Жуковский снимает повторы (ср. в подлиннике ст. 43–47, 79–82, 117–124, 152–155, 193–198, 234–240, 299–303 – всего более 30 стихов). Убирая эти повторы, поэт-переводчик добивался большей динамики и большего поэтического напряжения. Этому

⁹ *Ramler K. W. Poëtische Werke.* Berlin, 1801. Т. 2. S. 157. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках после цитаты.

служит и некоторая ритмическая перестройка произведения (хотя почти везде Жуковский старался соответствовать стиху Рамлера, придерживаясь в основном разностопного ямба). Однако чаще, чем у Рамлера, у него отсутствует рифмовка.

Переакцентировка внутреннего смысла коснулась и речитативов – центральной по нравственно-философскому и поэтическому смыслу части произведения, – как правило, сотканых из евангельских стихов. И здесь Жуковский переделывает некоторые наиболее мелодраматичные по своему характеру места, избегает аффектирования сцен страдания и мук Христа. В речитативе "Стоит погибельный, судьбами полный крест..." Жуковский переделывает стихи Рамлера:

Unschuldiger! Gerechter! hauche doch einmal
Die matt gequälte Seele von dir! – Wehe! Wehe! (164)

("Невинный, праведный, выдохни же / Измученную, ослабевшую душу из Себя! – Горе! Горе!").

У Жуковского вместо этих стихов читаем:

О, праведный! Невинный! Он уж наступил –
Сей неизбежный час для Тебя!.. Горе! горе!..¹⁰

В переводе страдания Христа невыразимы, поэт апеллирует к мужеству и духовности своего героя. В этом же направлении меняет Жуковский и хоровые партии, в которых, как правило, выражено отношение окружающих и автора к страданиям Христа:

Zu deiner Ehre will ich alle Plagen,
Schmach und Verfolgung ohne Murren tragen;
Nach deinem Beispiel will ich selbst mit Freuden
Den Tod erleiden (164)

("В Твою честь я хочу все муки, / Позоры и преследования вынести без роптания, / По Твоему примеру я хочу сам с радостью / Смерть претерпеть").

Ср. у Жуковского:

На все дерзну я в честь Твою и славу!
Что мне страданья? Что мне стыд и бедность?
Что мне гоненье? Что мне ужас смерти?
Тронут ли сердце? (135)

¹⁰ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 135. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках после цитаты.

То есть здесь полностью меняется смысл. Вместо желания смерти (“я хочу сам с радостью смерть претерпеть”) готовность перенести страдания в честь дела Христа, во имя жизни. Отталкивание от мелодраматизма меняет в переводе Жуковского трактовку жертвы Христа, смысл ее цены. Особенно четко это следует из мест, отсутствующих у Рамлера и вписанных русским поэтом. Это, как правило, хорошие партии, в которых чаще всего фиксируется отношение народа (и автора!) к жертве Иисуса. Например, Жуковский вписывает между ст. 155 и 156 следующие строки хора:

Светлый нам Он Свой образ оставил,
Чтоб мы им душу питали с чистой любовью. (135)

Перед последним, наиболее трагическим речитативом, лейтмотивом которого является неоднократно повторенное: “Его уж нет...” (“Er ist nicht mehr”), Жуковский вставляет хоровую партию, славящую Христа, Бога любви, Спасителя и Примирителя. Между ст. 243 и 244 (подлинника) Жуковский вписывает текст, отсутствующий у Рамлера:

Создатель, сколь прекрасен Твой
Обетованный добрым свет!
Но кто к нему достигнет?
О, Примиритель! Бог любви!

.....
Прости, прости мне руку!
Дай единым,
Сладким взглядом
В мир прекрасный
Облегчить мне расставанье
С жизнью здешней!

(136)

Таким образом, передавая достаточно точно главные мотивы кантаты Рамлера, Жуковский в своем переводе делает акцент на жизненной силе подвига Христа, его жертвенной смерти. Своеобразным ключом к переводу Жуковского может служить его запись в дневнике от 16 февраля 1821 г. о восприятии жизни и смерти Христа Иоанном, “учеником и товарищем Спасителя”: “Он смотрит на небо как на обитель удалившегося друга и не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему в наследство: как благо (курсив мой. – Ф. К.) <...> И слышит отовсюду голос: Спаситель твой жив”¹¹. Это соотношение между смертью Христа

¹¹ Дневники В. А. Жуковского. С. 105.

и дарованной Им земной жизнью Жуковский сохраняет в переводе.

О том, что земная жизнь, проповедь и смерть Христа, обращение к живому человеку служат его духовному воскресению, Жуковский говорит много раз. Создавая цикл поздних программных эстетических трактатов, в которых предпринята попытка пересмотреть свою эстетику на основе нового этапа постижения христианской веры, Жуковский вводит ряд нравственно-эстетических категорий. Так, в очень важной программной статье "О меланхолии в жизни и в поэзии" Жуковский включает в свой эстетический арсенал христианское понятие скорби, ставшее важнейшим в его психологической концепции человека. Христианская скорбь, по словам Жуковского, "может назваться душою жизни; но она не парализует, не расслабляет и не мрачит жизни, а животворит ее, дает ей сильную деятельность и стремится ее к свету"¹². Утверждая это, поэт вновь обращается к сюжету о смерти Христа и вспоминает Евангелие и предсмертные страдания Иисуса: "Спаситель на горе скорбел, как человек, но Он не унывал, и в эту минуту предпоследнего Его земного поприща выразился в Нем весь Им *преобразованный* (курсив мой. – Ф. К.) человек, во всей силе своего земного страдания и во всей божественности своего ведущего к небу смирения <...>. Страдание и молитва на горе Елеонской есть верховное изображение жизни христианина, которая вся выражается в одном слове: смирение"¹³.

В своем переводе евангельского сюжета "Смерть Иисуса" Жуковский идет от Евангелия от Матфея к Евангелию от Луки и особенно от Иоанна, дающего большой простор для усиления драматической и психологической глубины сцены: Евангелие от Иоанна, по признанию авторитетных исследователей, наиболее философично и символично из всех Евангелий. Здесь настойчиво подчеркивается мировой вселенский смысл земной жизни Христа.

Так, Жуковский – читатель, переводчик Евангелия и поэт – усиливает напряженное внимание к мотиву отношений Пилата и Христа, к возрастанию сомнений в душе Пилата, а затем к убежденности прокуратора Иудеи в невинности Христа и несмотря на это приговоре Сына Бога к смерти. В своей лебединой песне, "Агасфере", Жуковский воспро-

¹² Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 348.

¹³ Там же.

изводит слова Евангелия от Иоанна: “Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!” (Ин. 19:5):

В узах, в терновом венце, Он стоял пред народом, смиренный, Тихий, но полный величия. “Се Человек!” с состраданием Молвил Пилат, и руки омыл, – и волнуясь, как море, “Кровь Его на нас и на чадах наших!” воскликнул Громко безумный народ... И Его повели на Голгофу...¹⁴

Это явилось символично-мифологической заставкой к “Агасферу”. Жуковский пророчески осознал важность этого сюжета для русской истории и русского человека, который не случайно пройдет через многие произведения русской и мировой литературы.

Лев Толстой, вслед за Жуковским, вводит этот сюжет в “Анну Каренину”, в эпизоде с художником Михайловым, который пишет картину “Увещевание Пилата”, – центральной символично-поэтической сцене в романе, тесно связанной и во многом разъясняющей смысл библейского эпиграфа к роману “Мне отмщение, и Аз воздам”. Позже к этому сюжету обращались многие русские писатели, среди которых хочется выделить М. Булгакова (“Мастер и Маргарита”, “Бег”, “Кабала Святош”), Ю. Домбровского (“Факультет ненужных вещей”), Ч. Айтматова (“Плаха”).

У Жуковского в отличие, например, от Булгакова, эта тема переведена в нравственно-психологический план – предательство как глубоко психологическая проблема. Так показан Петр в “Смерти Иисуса”. Страх как драматическая основа предательства в “Агасфере” получит свое дальнейшее развитие в чеховском “Студенте”, где в рассказанной Иваном Великопольским евангельской легенде на первом плане – Петр и его трагическое предательство.

Так, идя от Евангелия, Жуковский выражает драматический конфликт не только своего творчества, но всей русской истории, величественной и трагической.

¹⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. СПб., 1912. С. 96.